

О чем спрашивают, когда спрашивают, что такое философия

В декабре 2006 г. на Ученом Совете ИФ РАН состоялся доклад В.А.Подороги «О чем спрашивают, когда спрашивают, что такое философия». Во вступительном слове директор Института А.А.Гусейнов поздравил его с шестидесятилетием, к чему, разумеется, присоединяется редакция журнала «Vox». А.А.Гусейнов отметил, что за время научной деятельности В.А.Подорога создал одну из «интересных и ярких школ нашей философии». Вышел журнал «Синий диван», который издается по проекту и в редакции Е.В.Петровской, ученицы Валерия Александровича, который выдержан в духе его школы. Один из номеров этого журнала посвящен 60-летию Валерия Александровича с исследованием творчества Подороги, в котором собраны статьи зарубежных философов, например Ж.-Л. Нанси, много дискутировавшего с Валерием Александровичем, а также статьи наших исследователей, одна из которых называется так «Предпоследний метафизик». В журнале помещены фотографии Подороги вместе с Жаком Деррида и Нанси.

Валерий Александрович, по мнению Гусейнова, входит в культуру весьма своеобразно. Все помнят его проект «философии по краям», в рамках которого вышел целый ряд интересных книг. Лекции «Мастерская визуальной антропологии» появились в результате многолетней работы с группой художников. Сейчас в рамках его школы издает свой журнал Игорь Чубаров. Помимо этих проектов Подорога написал и издал такие труды, как «Метафизика ландшафта» (1993), «Выражение и смысл» (1995), «Феноменология тела: введение в философскую антропологию» (1995), «Навязчивость взгляда» (1999), «Автобиография вопроса о методе» (2001) и, наконец, первый том «Мимесиса» - материалы по аналитической антропологии, которая могла бы стать предметом какого-то более широкого обсуждения. На взгляд Гусейнова, в лице Валерия Александровича представлен интересный, замечательный философ и хороший дружелюбный коллега. В стиль его жизни входит философская принципиальность, доброта, терпимость к людям других профессий, просто к другим людям.

В.А.Подорога поблагодарил Ученый совет за такую оценку его работы и попытался тезисно, за короткое время, отведенное для доклада, изложить несколько вопросов, которые его, а, возможно, и присутствующих, давно волнуют. Проблема, что такое философия, не совсем относится, по словам докладчика, к теме доклада, потому что она могла бы привести его к философско-филологическому анализу, семантической перепроверке самого вопрошания. Скорее, вопрос, сформулированный докладчиком, даже не собственно философский. Ибо вопрос, что такое философия, – по сути дела вовсе не философский вопрос, потому что ответ на него приводит к поискам ответа на вопрос «как?». И невольно, задаваясь таким вопросом, можно впасть в так называемую историчность. Это значит, что можно невольно включиться в статистическую обработку содержания философии. Парадокс заключается в том, что, когда мы задаемся вопросом, что такое философия, мы невольно входим в историческое вопрошание, мы как бы избавляемся от самой философии, потому что говорить о ней можно только исходя из нашего исторического бытия, то есть ограничивая ее и завершая. Суть, однако, в том, чтобы, попав в эту парадоксальную ситуацию, философия может что-то сказать сама¹.

Подорога полагает, что философия, вероятно, не поддается никакому определению, подобному тем, которые мы имеем в области гуманитарных наук в

¹ В свое время Лео Штраус выразил свое критическое отношение к философскому историцизму, высказав мнение, что «историцизм требует от каждого поколения заново перетолковывать прошлое, базируясь на своем опыте и глядя в собственное будущее» (*Straus Leo. What is political philosophy? N.Y., 1959. P.59*). Подорога в данном случае радикализирует эту позицию, формулируя парадокс.

отделе частного знания, ибо философия, на его взгляд, не относится к опыту накопления знания, она относится к опытной науке, которая накапливает способы оперирования знаниями, знанием о том, как оперировать знаниями, не уточняя даже смысла. Поэтому, как заметил Подорога, даже то «определение», которое он только что дал, тоже вряд ли поможет найти «место или отдельную землю», на которой существует философия. Валерий Александрович сделал предположение, что можно здесь только ставить некие вопросы, поскольку процедурная часть, техническая часть философского опыта связана с вопрошанием², можно осуществлять опыт вопрошания, вопросами устанавливать для себя те исторические моменты, в которых философия существует в качестве уже завершенной для себя. Потому что любые вопросы, о том, что такое философия, в какой-то мере ее завершают.

Подорога предлагает 1) перейти к вопрошанию «как?» и смириться с тем, что всякий вопрос о том, что такое философия, ведет нас к историчности, то есть к историческому измерению философского опыта, которому этот философский опыт всегда противился, всегда вырывается из под его гнета, преследования и так далее. Сегодняшняя эпоха, которая кажется релятивистской, постмодернистской, софистической, преследующая философию из этого исторического бытия, везде и повсюду находит для себя удобным загонять философию традиционно классического образа в тупик; 2) начать философское движение, исходя из этого парадокса, зная, что это парадокс, учитывать его и, тем не менее, задаваться вопросами, как если бы мы каждый раз, задаваясь вопросом, заново завершали некий опыт, который философия несет в себе, насколько этот опыт может быть сущностно осмыслен; 3) выделить несколько таких вопрошаний, которые складываются в ряд горизонтов, отчасти перекрывающих друг друга и помогающих друг другу. Это, во-первых, исторический взгляд, сама по себе история. Здесь идет речь о том, что мы вводим в размерность философского опыта такие определения, как эпоха, время, период и так далее. Это время, которое нам нужно для того, чтобы вообще работать с историческим бытием философии. Во-вторых, историографическое вопрошание, которое, с одной стороны, ограничивает философию и, одновременно, открывает некое ее сущностное наполнение, связанное с понятием события. Историография философии, по мнению Подороги, ведет к описанию некоторого события. Такими событиями может быть «когито», может быть стихия огня Гераклита, может быть интенциональность Гуссерля, Dasein Хайдеггера и так далее. Это такие точки, где нарастающая сила события формирует саму философию как таковую. 4) Географическое вопрошание, или вопрошание о месте, которое поддерживает генеалогическое. Речь идет о месте и происхождении философского опыта, который заявлен в той или иной системе философии. Подорога обратил внимание на характерный момент, связанный, например, с формированием романтического опыта в немецкой философии и вообще для XIX в., когда постепенно открывался неожиданный опыт Греции. Можно вспомнить Гегеля и греков, Гегеля и греков, Хайдеггера. Вся немецкая философия так или иначе вертится и воспроизводит себя через идеальную родину древнегреческого, вообще включая себя таким образом в европейское человечество. На взгляд Подороги, не исключено, что русская философия столь же задержалась в своем развитии, как и немецкая, чтобы искать на каком-то этапе свою родину. Здесь важен такой пункт генеалогического анализа, который устанавливает некоторые условия происхождения этого опыта, как место, потому что место часто выполняет роль внешней рамки. По мнению докладчика, это наброски *геомантики*, присутствующей в философском умозрении.

Как сказал Подорога, имея в виду Ницше, Хайдеггера, Андрея Белого «для отдельных мистически ориентированных мыслителей термин “пустыня” или

² О чем, заметим, говорил М.Хайдеггер.

“горы” играет очень значимую вещь...это та часть вопрошания, которой мы можем задаваться, которая идет из этого историчнейшего бытия... это историчное вопрошание... Поэтому даже то, что кажется ненужным для философии, все равно нужно с точки зрения этого вопрошания об историчности философии... Имеется в виду, например, греческий полис и классическая эллинская философия... философия Эллады, где формируются основные понятия».

Следующим аспектом, по мнению Подороги, является дисциплинарный институт. Имеется в виду институт философии, который для нас давно уже стал домом, и мы перестали различать его принципиальную функцию институциализации. Мы его одомашнили и приучили к себе, и он постепенно терял значение института, который определенным образом должен складываться, формироваться, а «его отдельные элементы пересматриваться, учитываться с точки зрения не бюрократической иерархии, не зависимости от властей, а с точки зрения потребностей вот этого исторического бытия самой философии». По представлениям Подороги, «институт откликается на историчное бытие философии», а не на «грозный крик начальства».

В докладе был подчеркнут также момент, связанный с аффективностью, ибо философия «сохраняет свое значение в любви - и любви к мудрости, ну и просто любви». Аффективность, считает докладчик, – двусмысленное понятие, которое приводит к изучению страстей в области философии, «и это пристрастная и страстная наука», связанная с человеческим фактором, поскольку можно сказать и так, что «никакой философии никогда не было, были только философы», и мы размышляем не над некое «коллективной мыслью», а «над мыслью отдельного мыслителя... индивидуализация создает для нас фон этой страсти и любви к философии и возможно любовное очарование, которое для профессионала философа - известная функция, включающаяся в само философствование».

Эти аспекты, подчеркнул Подорога, как правило, находятся за границей философии и должны быть вычеркнуты. Многие современные западные онтологи, во всяком случае вся позитивистская доктрина, включая англо-саксонскую ориентацию на критику языка, лингвистическую философию, так или иначе считают эту зону выделенного исторического бытия к нефилософской, потому что она якобы не нужна философии. Поэтому англо-саксонская традиция, на взгляд докладчика, при всех ее достижениях являет собой пример анти-философской дисциплины, преследуя анти-философские цели.

Последний вопрос, связанный с возможностью возвращения философии к самой себе, связан с вопросом о метафизике. Докладчик задался вопросом о том, можно ли вернуться к метафизике через проверку историчнейшего бытия философии. «Может ли, - спрашивает он, - быть организована эта коллективная или индивидуальная акция спасения философии из этого погружения в историческое бытие?» Существует множество работ, исследований, десятки тысяч исследований, которые движутся в историческом бытии и нейтрализуют, например, философию Хайдеггера. Европейская дискуссия о судьбе хайдеггеровской мысли и о связи его с нацизмом длится много лет, с 1946 - 1947 года. Это гноящаяся, на взгляд докладчика, «язва европейской мысли, или ее травма». Реально речь о том, настолько может состояться возвращение метафизики и возможна ли метафизика сегодня – этот вопрос сегодня совершенно открытый. Возможно, в нем заключено и определение самой философии. «Потому что философия, расставшаяся с метафизикой, конечно, перестает быть собственно философией».

В историческом бытии, по мнению Подороги (он специально выделил этот момент), не встречается философия терминологического знания, там встречается только опыт мысли. Поэтому сегодня вполне справедлива критика отказа, практикуемого некоторыми европейскими философами, от наследования традиций,

то есть, подчеркивает докладчик, от такого следования традициям, в которых терминология жестко привязана к современным задачам. У такого рода философов возникает, как говорил докладчик, даже гордость за то, что можно свести некоторые сегодняшние проблемы к языку Канта или даже Платона. Этот отказ, считает Подорога, вводит сложные отношения между философской терминологией и языком обыденным, на котором начинает заново разыгрываться философское предтерминологическое знание, масса сложностей, которые при этом возникают, также связаны с историчностью языка, на котором философия обновляет свои проблемы.

Возвращаясь к метафизическому запросу и его возможностям, Подорога говорит, что в последнее время у него складывается впечатление, что этот запрос в конечном счете, как ни странно, смыкается с политикой. Но политика понимается им не как некоторая коллективистско-идеологическая акция, не как приказ, исходящий из какой-то иерархии, а как некоторое индивидуальное дело самого философствования, то есть возвращение к метафизике через такую свободу выбора, которая интерпретируется как политический выбор. Институт философии, с точки зрения докладчика, никогда не ставил себе цели (задачи) участвовать в какой-то политической жизни, например, политической жизни общества. Неким образом в ней участвовали и участвуют отдельные индивиды, реагирующие определенным образом и на определенные события (выступления в печати, на телевидении и так далее). Изначальная аполитичность и, как ни странно, особого рода протестность была заключена в стадии оформления института, который долгое (советское) время служил власти. Аполитичность, однако, оставалась. Потому что власть защищала свою политику от имени того знания, которое находилось в этих стенах. Но с другой стороны, его сопротивляемость тому, чтобы это знание было все-таки аутентичным, была настолько высока, что, по мнению Подороги, «институт сохранил своих выдающихся специалистов, высочайших профессионалов, которых в общем трудно найти где-то еще». Сопротивляемость сочеталась с аполитичностью. Вероятно, это и было причиной одновременного и сохранения философии и неверия в ее метафизику. Однако, на взгляд докладчика, «современное политическое действие, современный политический выбор есть наш опыт, который ведет нас к метафизике», хотя это выглядит чрезвычайно парадоксально. Но, подчеркнул Подорога, это выглядит парадоксально только потому, что «мы политику понимаем слишком ограниченно, привязывая ее к отстраненному, отчужденному действию или властей, или идеологических событий, или чего-либо еще».

Подорога, далее, охарактеризовал некоторые, на его взгляд, важные периоды в истории отечественной философии: 1890 – 1922 гг., 1922 – 1986 гг. и 1985 – по настоящее время.

Первый период (до «философского корабля») представил уходящий опыт, когда фактически была сформирована изначальная, матричная основа некоторого культурного опыта, который в целом может свидетельствовать о том, что сформировалась некая метафизика, сформировался некий выходящий за свои пределы литературный опыт, который требовал для себя, для этой литературы в соответствии с культурой какой-то дополнительной помощи со стороны философии. Наверное, это был решающий такой момент, когда философия в конечном счете переставала служить литературе, становилась партнером литературе.

Второй период, советский – «отчасти догматический». В это время появилось очень много книг и статей, изучались энциклопедии. В рамках этого догматического периода сложилась так называемая советская философия, которая, как ни странно, в чем-то уравнивается с русской философией, которая была крайне специфическим явлением, может быть еще более специфическим, чем советская философия, которая, на взгляд Подороги, складывалась в интенциональном круге идей, понятий и позиций, которые были ориентированы на некую форму интерна-

ционализации и учета всеевропейского смысла вообще, а не на реформы церкви или, к примеру, религиозную практику.

Кульминацией третьего периода был 1995 год. Этот период можно разбить надвое: на мрачнейший период 1985 – 1993 года и на период с 1993 г. по сей день. Эти два очень разных периода весьма насыщены политически. Как справедливо считает Подорога, мы все с трудом пережили это слишком тяжелое время, принесшее много потерь и разочарований. Он назвал это время переходно-восстановительно-завершающим. Видеть завершение этого почти столетнего цикла, для самого Подороги представляет «большой соблазн». «Мне, - сказал он, - повезло наблюдать это завершение». На основании этого завершающего периода у него сложилось убеждение, что философия сложилась как некоторая форма знания в полном соответствии с тем отношением между властью и философией, которое возникло в ортодоксально догматический период. Философия рассматривалась не как некий набор идей, а как некоторые пакеты и компакты знаний. И это, кстати, отразилось в своеобразном «архивировании историографии философской мысли, где то, что ты знаешь о Канте, превышает всякие возможности понимания этого знания», когда ты фактически становишься носителем какого-то специального знания. Все проблемы специализации философии связаны, на взгляд докладчика, с этим странным догматическим культом - объединения власти и политики в собственно философскую область. И потому ныне нам важно (политически важно) осмыслить действие философии как индивидуальное действие, «бросающее вызов обществу, выставляющее свою проблему, защищающее эту проблему, а не служащее чему-то, что лежит вне той задачи, которую философия начинает формулировать для себя»...

Если фактически мысль историчнейшего бытия рассмотрит собственно бытие философствования, то окажется, что философия в том виде, в котором она сформировалась как отечественная философия, не всегда относилась к опытному знанию. Это чрезвычайно печально, считает докладчик, что философия подражала или истории, или социологии, или какой-то другой дисциплине... До сих пор некоторые, например, культурологи, спрашивают: чем занимаются философы? это же сплошная культурология! С точки зрения сегодняшних максим историчнейшего бытия, получается так, что философия не занимается своим делом. Теперь, когда дисциплины получают некоторую свободу, они привлекаются к укреплению философии и пытаются представить ту философскую базу, которая была подготовлена европейской философией, в качестве собственного наследия и тем самым отделить саму философию от частной области гуманитарного знания, то есть отделить таким образом, чтобы философия стала нам не нужна, поскольку мы освоили те методы философии, которые включены в культурологию, социологию и т.д. На какой-то промежуток времени философия изгоняется, но в этот промежуток она должна стать или метафизикой, или завершиться, погибнуть - фактически так.

Надо обратить внимание и на конфликт, в котором мы должны дать себе отчет и который даже не связан с личным выбором людей. Он неким образом связан с внутренней политикой знания. Подорога в заключение считает возможным прибегнуть к сильному и сокрушительному приему. Он возвращается к дискуссии по поводу Хайдеггера, которая, как он считает, невольно перешла в дискуссию не только в отношении фашизма или нацизма, но и в отношении к политике (в современном понимании политики), к выбору мирозерцания, потому что Хайдеггер избирал не политику, а выбирал мирозерцание. Именно это ему инкриминируется как выбор политической идеологии. По мысли Подороги, дело, однако, не в обсуждении этой дискуссии, а в том, что она ведет к другой очень важной дискуссии о том, как существует европейская культура после Освенцима. Это громадная тема, интенсивно обсуждаемая в течение последних двух десятилетий. Западные публикаторы Солженицына и Шаламова активно пытаются обсуждать ГУЛАГ. Но обсу-

ждаемый ими ГУЛАГ не включается в структуру Освенцима, он не включается в структуру проблематизации Освенцима и рассматривается как некоторое поражение левой мысли или левой марксистской мысли. Он рассматривается как травма, которая мешает правильной оценке даже Освенцима, с точки зрения марксистской мысли. Как сказал Подорога: «Буквально в последнее время... несколько недель тому назад я» встречался «с одним... крайне левым английским философом, который в принципе говорил: “Зачем нам нужен ГУЛАГ? сначала нужно разобраться с Освенцимом, потому что ГУЛАГ у нас на Западе многие неправильно понимают”... понимают это не как» всеобщую проблему, а «как проблему только России, ее специфически исторического лица, или же понимают с точки зрения... краха левой мысли и краха идей социализма и т.д.». Как, однако, считает докладчик, философии не может быть, и она не может претендовать на какую-либо метафизику, раз самый радикальный опыт в ней не осмыслен, не пережит, не разработан концептуально, не понят. И потому речь идет не о политике, понятой как участие в коллективистской акции, которая организуется властями, речь идет о выработке политики самой философии, которая обладает определенным способом понимания мира.

Доклад Подороги вызвал много вопросов. **А.М.Руткевич** считает, что можно сформулировать несколько задач, связанных с особенностями философского движения до таких событий, как Освенцим и ГУЛАГ. На взгляд Руткевича, увязывать эти вопросы, наверное, политкорректно, с западной точки зрения, но лично он этого касаться не будет. Его вопросы связаны с темой историчности: в каком смысле она понимается? Речь о философии между Хайдеггером и немецким историзмом или историчностью? Если все же говорить о том, что такое философия, то все наши вопросы историчны, мы в истории находимся, и чем-то этот вопрос отличается от вопроса, что такое природа или даже что такое история. Иначе говоря, если все вопросы историчны, то в этом качестве они все равноценны. Второй вопрос Руткевича касался истории философии. До Вико, сказал он, и до XIX столетия история, на его взгляд, не являлась предметом философской рефлексии. По сути дела, она становится таковым предметом только в XX столетии, точнее на рубеже XIX - XX столетия. В философии истории термин «историзм» можно встретить у Вольтера, но реально, конечно, связь с историзмом происходит позже. На протяжении более двух тысяч лет философия существовала вне истории и без истории, историю критически не рассматривала. Вопрос в том, в каком смысле применительно к той философии, которая историю вообще не проблематизировала, не тематизировала, может звучать вопрос об историчности философии ...

Подорога счел, что ответ здесь совершенно очевиден: мы не можем рассматривать философию с точки зрения истории. Кантовская или гегелевская системы, на взгляд Подороги, находится не в каком-то определенном месте, которым мы перекрываем историю: вот здесь началась, а здесь завершилась, допустим, гегелевская система. Если говорить о Вико или Новом времени, то там действительно не было ни исторического бытия, ни ощущения исторического бытия. Я же ставлю вопрос сегодня, исходя из современной ситуации, в которой я сам оказался и оказался способным задать таким вопросом. Поэтому, на взгляд Подороги, удаленность тех или иных систем мысли от моего вопрошания вовсе не делает мое вопрошание более слабым или ненужным.

Что касается первого вопроса, сказал Подорога, отметив его как очень интересный, то он над ним тоже размышлял и заметил, что специфика философии заключается в том, что, как только мы задаем вопрос «что такое философия?», она сразу заканчивается. Когда мы задаем вопрос «что такое природа», «что такое история», то мы сразу открываем учебник, в котором написано то-то, то-то и то-то.

Конечно, есть учебник по философии, где тебе тоже начинают объяснять, что такое философия, но там нарушается парадоксальность отношений исторического, онтологического или метафизического бытия самой философии. Пропагандисты философского знания не учитывают парадоксальности самого философского опыта, который, в общем-то, не отвечает общему ожиданию, характерному для частных гуманитарных наук. По мнению Подороги, вопрос философии «что такое философия» специфический вопрос. Дело в философии завершающей. Ибо обычно известно, кто написал какие-либо тексты: Ясперс, Хайдеггер, многие другие известные мыслители, которые на склоне лет пытаются сформулировать свое отношение к философии, тем самым завершить ее своей жизнью.

Один из выступавших спросил, что, если философия - это осмысление опыта бытия, события не как собрания идей, а как определенного пакета знаний, то в чем специфика этого пакета знаний и специфика осмысления бытия в философии? Бытие осмысливает и история, и целый ряд других гуманитарных наук, их представители тоже осмысливают опыт бытия. А вот в чем специфика именно философского осмысления бытия?

Отвечая на этот вопрос, Подорога сказал, он формулирует свою задачу как создание серии вопросов, обращенных к самой философии, и не может найти ответа. В нашей литературе таких определений невероятное количество. Главное: хотелось бы, чтобы было понято, что речь о том, чтобы ставить вопрос, а не отвечать. **А.А.Гусейнов** при этом напомнил, что доклад называется не «Что такое философия», а «О чем спрашивают, когда спрашивают, что такое философия».

Р.Г.Апресян напомнил, что Валерий Александрович несколько раз и в разных вариантах сказал, что он испытывает удовлетворение от того, что является свидетелем убывания некоторого опыта, охарактеризовав этапы этого убывания. Содержательные характеристики этапов ушедшего столетия утончались по мере приближения к нашему времени. По мнению Апресяна, это понятно, потому мы довольно отстранены от первых этапов, а по отношению к периоду утрат, разочарований - мы почти в них. Но тем не менее, если можно говорить об убывании, то/ очевидно, можете говорить и о прибывании. О прибывании говорить трудно, потому что мы находимся в состоянии, сопредельном прибыванию, но осознание убывания ставит нас в некоторую рефлексивную позицию по отношению к прибыванию. Можно ли хотя бы минимально охарактеризовать то, что прибывает?

Обращение к метафизике через политизацию философии Подорога и назвал тем, что прибывает и что он пытался охарактеризовать. При этом он несколько развернул понимание политизации, заметив, что часть политической жизни, правда, огромная ее часть, сейчас перемещается в Интернет, в рамках которого можно обнаружить появление «скороспелой тактики политических действий, которая проводится через непрерывный поток различных текстов, высказываний, трибун, форумов и так далее». Вопрос идет не просто о месте, в котором философы что-то думают, а о новой институционализации того знания или опыта, который философия накопила и которым она владеет. «Мой основной тезис», заключил Подорога, состоит «в том, что к метафизике мы можем вернуться через правильное понимание политики философии».

В.М.Межуев задал вопрос о свободе. Можно сказать, что философия в чем-то сродни свободе, но свободу ведь можно определить и негативно...

«Я думаю, - ответил Подорога, - что философия имеет непосредственное дело со свободой, но эта свобода четко выражается сегодня в политике философии. То есть мы нашли инструмент, с помощью которого начинаем понимать эту свободу. Не как свободу от, за, против и так далее, а как реальное действие, которое купирует философский опыт, философское знание для установления границ между,

например, той же властью... и свободным философским выбором. Свободный философский выбор и есть политика философа».

На интерес, проявленный **В.И.Аршиновым** к тому, как философия коррелирует с духовными практиками или духовными упражнениями, Подорога отреагировал так: в рамках подготовленности к размышлению или к мысли существует такой род духовного практического действия, без которого сама мысль не может проявиться. Но это, заметил он, не эксплицируется в качестве инструмента философии, потому что сама философия предстает не как духовная практика, а как некоторое политическое действие. Через это действие сохраняется некоторый образ мира. Мы защищаем свой образ мира. На его взгляд, философия скорее агрессивное знание, воинствующее, участвующее в распри, борющееся, а не то, которое созерцает и ищет конечную форму, находит медитацию духовного совершенствования. Очевидно, предвидя возражения относительно того, что в Греции и в Средние века медитативному знанию отводилась первенствующая роль в философии, не чуждой политического действия, Подорога сказал: «Так мне показалось это сегодня».

А.В.Рубцов сказал, что его очень заинтересовала идея историзма. В свое время Рубцов занимался моделями прогресса в таких формах общественного сознания, как искусство, наука, философия. «Мы тогда пользовались такой терминологией – общественное сознание. И с этой точки зрения меня, - продолжал он, - очень интересовала следующая конструкция. Скажем, в истории науки есть накопление, рост, прогресс, некоторое кумулятивное развитие. Причем даже понятно, в каких схемах оно выражается. Например, новая теория включает в себя предыдущие пять частных случаев со всеми оговорками... С этой точки зрения, искусство устроено совершенно по-другому, я имею в виду историю искусства. Если во всех видах деятельности мы к чему-то движемся, но никогда не можем дойти до идеала, то искусство нам компенсирует этот недостижимый идеал, и каждое художественное произведение - это своего рода модель завершеного действия, модель некоторого достигнутого совершенства. Поэтому произведения искусства в истории существуют на равных. Мы не можем сказать, что Церетели, при всем уважении к этому гению, выше, чем Роден, Роден – выше, чем... и так далее, и так далее. Они все как бы рядом. С этой точки зрения, философия находится в странной позиции. С одной стороны, конечно, здесь нет такого линейного кумулятивизма, как в науке, и Соловьев Эрик не умнее Соловьева Владимира. И в то же время все-таки есть, на мой взгляд, некоторый кумулятивный процесс. В связи с этим я и хотел бы спросить, входят ли эти вопросы в круг проблем, которыми Вы занимаетесь? И если входят, то есть ли какие-то соображения по поводу исторической конструкции философии?»

«Я думаю, - ответил Подорога, - что новизна философии связана с тем местом, которое я отводил в этом опыте историчности теме события, поскольку все системы, с которыми сталкиваемся и которые представляют до сих пор интерес, событийны, то есть включают в себя ту новизну, которая непрерывно себя воспроизводит. Но воспроизводит уникальным способом». О философии, на взгляд докладчика, можно говорить не как о какой-то преемственности, а как о координации событий, которые представляют собой неотъемлемую культурную ценность. Понятия интенциональности или понятие длительности Бергсона – некоторые события, которые все время предъявляют нам акт новизны.

Выступая по поводу доклада, Апресян сказал, что доклад Валерия Александровича вызвал массу мыслей, ассоциативных и параллельных тем, под впечатлением которых он находится последнее время. Его реплика, как сказал Апресян, - это скорее реакция на эти впечатления, чем высказывание по существу поставленного вопроса о вопросе. Одно из двух впечатлений, под влиянием которых находится Апресян, связано с передачей «Тем временем», в которой выступал Подорога и некоторые другие яркие фигуры – например, Дугин и Никушевич. Второе впечатле-

ние связано с публикацией статьи «Легенда о фонаре» в газете «Поиск» некоего математика, которая бросает вызов философии не содержанием того, что в ней говорится про философию, а самим фактом этой публикации в этой газете. По мнению Апресяна, «тот заход по отношению к философии, который производит Валерий Александрович, этот заход полемичен не только по отношению к тем закрытым позициям, которые высказывали Дугин и Никушевич, но это и тот проспект, который предлагается ныне существующему порядку бытийственной философии, о котором высказывается автор газеты “Поиск”». Апресян полагает, что, хотя Подорога завершает догматический период нашего философствования 1985-м годом, на деле все не так хорошо. «В своей массе философская работа и философские работники, которые задают образ философии и которые определяют такого рода статьи, как эта статья в «Поиске», или те политические решения, политические внутри академической жизни, вузовской жизни, в результате которых философия сохраняется, - этот порядок философской работы во многом еще остается догматическим... Та альтернатива, которая была предложена нашей философии, альтернатива, которая связывает философию с философией науки, мне кажется, тоже является своеобразной вариацией на ту же самую тему догматического, то есть закрытого существования философии. А Валерий Александрович предлагает иной вариант философствования, жизни философии. Не случайно здесь звучало несколько раз это слово – философия в отношении к политике. Я понимаю, что это не государственная политика и не властная политика, а политика как способ существования социума. И здесь философия оказывается не аксессуаром. В нашей системе образования философия сплошь и рядом оказывается аксессуаром: надо сделать из технического университета полномасштабный университет – значит там устраивают гуманитарные факультеты. А проект, предлагаемый здесь, философия как свойство мысли, философия как свойство... непереносимое свойство общественной жизни. Хотя Валерий Александрович в той передаче говорил, что нашему обществу не нужна философия, общество не востребует философию, речь шла, конечно же, я так понимаю, о политическом сообществе принимающих решения. И наоборот, если мы посмотрим на новое дискурсивное пространство, которое рождается в виртуальной области, мы можем увидеть, что философия поразительным образом востребована. Сколько философских площадок, организуемых людьми, институционально и профессионально не имеющих отношения к философии, этих инициатив, которые кажутся самостоятельными. Они показывают, что действительно там, где есть пространство свободы – алаверды Вадиму Михайловичу – там сразу появляется в каких-то формах, обязательно институционально нам привычных философствование - ну просто потому, что без этого, без философии как функции просто невозможно обойтись. Мне кажется, предлагаемое решение – это ответ догматическому видению философии, которое пытается свести философию на нет».

Руткевич сообщил, что он также относится к тем, кто несколько дней назад посмотрел интересную программу с участием Валерия. И когда она шла, продолжал Алексей Михайлович, он, хотя принципиально в этом споре с Подорогой не согласен, «чаще соглашался с ним, потому что он оппонировал как раз тому, кто пытался свести философию к политике и идеологии, господину Дугину. Но в сегодняшнем выступлении оказалось, что он с господином Дугиным куда более солидарен, утверждая, что философия с ее нынешним вопрошанием по существу требует политизации. Это мне, конечно, напомнило и тезисы иных французских философов, выросших из мая 68-го года, и франкфуртскую школу незабвенную. Но я могу сказать одно. На мой взгляд, философия умирает в идеологии и в политике. Да, бывало так, что политика и идеология мотивировали в том числе и взлет философии, мы знаем примеры. Но в целом мой взгляд тот, что не надо путать эти две области человеческой деятельности. И второе, это потребовало бы довольно долгого обосно-

вания, я поэтому его сверну к вопросу об историзме и историчности, я не случайно задал этот вопрос. Я вполне понимаю, что здесь требуется довольно долгое логическое обоснование и мне нужно было бы просто возвратиться к некоторым тезисам Хайдеггера, может быть даже прибегнув к делению на не очень популярного Хайдеггера-1 и Хайдеггера-2... На мой взгляд, сам по себе тезис о пребывании человека в истории и об историчности нашего вопрошания, и правомерен, и неправомерен. Он правомерен эмпирически, потому что мы исторические существа. Мы это знаем. И в том числе наше представление об истории совсем иное, чем оно было еще два поколения назад, и совсем уж иное, чем оно было во времена, скажем, Фалеса и Аристотеля. Тем не менее, на мой взгляд, философия не начинается с вопроса об истории, о нашем бытии как событии, о нашей временности. Напомню о традиционном воззрении, что философия начинается с удивления, прежде всего, с удивления по поводу звездного неба, то есть по поводу природы, а не нашего конечного, ограниченного бытия. Да, философия рождается из него, и звездное небо над головой, а затем и нравственный закон, как у Канта, по-моему, вот это исток философии. Что касается истории – да, эти вопросы возникли впоследствии, они необычайно важны и для нас интересны, но и то, что мы сегодня... перед нами вопросы истории стоят куда более остро, включая и то, чем Валерий завершил выступление – освенцимы, ГУЛАГ, травмы памяти и прочие модные темы. Но все-таки, давайте так – задавая вопрос «что такое философия?», мы неизбежно обращаемся и к образцам, которые уже существуют. Эти образцы заданы для нас именно античной традицией, а не какой-то другой. И первые, кто дали такой ответ на вопрос «что такое философия?» и неизбежно его, со времен по крайней мере Платона и Аристотеля, его уже давали в своих системах, эти ответы мы получили. Как мы их переосмысливаем – это другой вопрос. Но не мы первые, кто дал ответ на этот вопрос. И поэтому – да, философии можно научиться подобно тому, как ответу, что такое история, что такое... и по учебнику. Хотя другое дело, что хороших учебников по философии не существует».

Гусейнов, заключая обсуждение, сказал, что он не берется спрашивать Валерия Александровича, что он имел в виду, когда говорил о связи и даже единстве философии и политики, по-видимому, он имел в виду что-то очень своеобразное и достаточно точное. «Во всяком случае я бы обратил внимание вот на что: когда он сказал, что философия, наша философия не дала, не откликнулась на ГУЛАГ, не откликнулась на этот опыт, нету философского отзвука, нету философского ответа, он глубоко прав. Назовите мне, если это действительно вот такой, знаете ли, фундаментальный опыт, который сродни не в ценностном смысле, а как бы по глубине исторического вспахивания, сродни тому, что было сделано в Европе относительно нацизма, что бы в нашей философии изменилось? Мы же продолжаем жить, мыслить так, как будто ничего этого не было. Вот, мне кажется, если мы поймем эту постановку вопроса, тогда мы поймем, что имел в виду Подорога, говоря о связи, единстве философии и политики, что она не должна служить, например, власти, но своим способом мысли должна быть политикой, что когда мы философствуем, мы что-то говорим, мы ведь не пустое говорим».

В ответном слове Подорога сказал, что Алексей Михайлович Руткевич, на его взгляд, не совсем точно понял, что он, Подорога, хотел сказать. «Речь идет не о какой-то политизации в широком смысле и, тем более, уж о каком-то родстве с концепцией Дугина и его политическими акциями: предположить это для меня было бы большим тяжелым грехом. Здесь [во время обсуждения] шла речь о свободе в том смысле, в каком говорит... Вадим Межуев... А я говорю о политике. То есть имею в виду, что то знание, которое мы приобретаем, мы приобретаем, защищая его политикой... В этой защите есть водораздел, который полагает различия в экспертном знании. Фактически сегодня власть потребляет экспертное знание. Она

словно пережевывает его. И никаким образом это экспертное знание не оказывает сопротивления. Академия, которая сейчас переходит в подчинение общегосударственным механизмам, Институт философии, который вообще долгое время находился, окруженный пространством старой идеологии, в догматическом сне. И все это вместе настраивает на очень нехороший лад. Речь идет о том, что там, где знание автономно, где оно вырабатывается определенными условиями распространения философии в обществе и ставит задачи осмысления неких интегративных комплексов, которые лучше помогают понимать философию», – этим занимается или должна заниматься философия. Но «в таком случае философия обязательно должна осознавать себя и как некую политику, политику знаний или политику того опыта, с помощью которого она дает эти интегрированные образы. Поэтому здесь, мне кажется, идет речь о том, чего не знала наша философия, а догматическая политизация – мы ею наелись. Это всем совершенно ясно... Политологи доказывают ценность политической власти, а речь идет о политике знаний».

Стенограмму доклада обрабатывала С.С.Неретина.